

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.42

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-5

Теоретическая статья

Багдасарян Д. А.

**Социальная безопасность в условиях трансформации
геополитического пространства Северной Евразии:
теоретико-методологические подходы
к социологическому анализу**

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
улица Садовая, дом 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия
bagdasaryan.di@gmail.com

Аннотация. *Актуальность.* Трансформация геополитического пространства Северной Евразии – становление полицентричного миропорядка, переформатирование интеграционных, экономических и гуманитарных связей, санкционное давление, интенсификация миграционных потоков и ускоренная цифровизация – существенно изменяет условия обеспечения социальной безопасности российского общества и сопредельных обществ макрорегиона. Геополитические сдвиги перестали быть предметом исключительно международно-политического анализа: они проникают в повседневную жизнь людей, трансформируя рынки труда, миграционные стратегии, структуры идентичности, каналы коммуникации и уровень социального доверия. *Научная проблема.* Категориальный аппарат теории социальной безопасности сформировался преимущественно в национально-государственной аналитической рамке и недостаточно учитывает, во-первых, макрорегиональное (евразийское) измерение социальных рисков и угроз, во-вторых, цифровизацию как сквозной фактор, переструктурирующий как само геополитическое пространство, так и содержание социальной безопасности. Возникает необходимость теоретико-методологического синтеза, позволяющего анализировать социальную безопасность в оптике социологии применительно к трансформирующемуся пространству Северной Евразии. *Методы.* Использованы методы теоретического анализа и синтеза, сравнительного анализа научных подходов, институциональный и системный анализ; работа имеет междисциплинарный характер и опирается на принципы социологии управления, концепцию региональных комплексов безопасности, социологию пространства и рискологическую традицию. *Научные результаты.* Систематизированы семь взаимодополняющих подходов к категории «безопасность» (социально-философский, социологический, институционально-политологический, юридический, экономический, социально-психологический, информационно-управленческий) и показаны их аналитические возможности для исследования макрорегиональных трансформаций; раскрыта эволюция отечественной традиции

социальной безопасности от «защитной» парадигмы к парадигме проактивного управления рисками; обоснована трактовка Северной Евразии как регионального комплекса социальной безопасности, связанного общей инфраструктурой, миграционными и коммуникативными взаимозависимостями; предложена интегративная многоуровневая аналитическая рамка социологического анализа социальной безопасности макрорегиона, процедура её социологической операционализации и система эмпирических индикаторов для каждого уровня анализа. *Выводы.* Социологическая оптика позволяет перевести анализ геополитических трансформаций с языка межгосударственных отношений на язык социальных институтов, рисков, солидарности, доверия и управленческих практик; предложенная рамка может служить теоретико-методологической основой эмпирических исследований социальной безопасности в макрорегионе Северной Евразии и разработки социальных технологий управления ею в условиях цифровизации.

Ключевые слова: социальная безопасность; геополитическое пространство; Северная Евразия; цифровизация; социология управления; региональный комплекс безопасности; социальные риски; доверие

Информация для цитирования: Багдасарян Д. А. Социальная безопасность в условиях трансформации геополитического пространства Северной Евразии: теоретико-методологические подходы к социологическому анализу // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 67-82. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-5.

Theoretical article

Diana A. Bagdasaryan

**Social security in the context of the transformation
of the geopolitical space of Northern Eurasia: theoretical
and methodological approaches to sociological analysis**

Saint Petersburg State University of Economics,
21 Sadovaya St., St. Petersburg, 191023, Russia
bagdasaryan.di@gmail.com

Abstract. Relevance. The transformation of the geopolitical space of Northern Eurasia – the emergence of a polycentric world order, the reconfiguration of integration, economic and humanitarian ties, sanctions pressure, the intensification of migration flows and accelerated digitalization – is substantially changing the conditions for ensuring the social security of Russian society and of the neighbouring societies of the macro-region. Geopolitical shifts are no longer a subject of purely international political analysis: they penetrate people's everyday lives, transforming labour markets, migration strategies, identity structures, communication channels and the level of social trust. *Scientific problem.* The categorical apparatus of the theory of social security was formed predominantly within a nation-state analytical framework and insufficiently takes into account, first, the macro-regional (Eurasian) dimension of social risks and threats and, second, digitalization as a cross-cutting factor restructuring both the geopolitical space itself and the content of social security. *Methods.* The study employs theoretical analysis and synthesis, comparative analysis of scientific approaches, institutional and systems analysis; the study is interdisciplinary and relies on the principles of the sociology of management, the theory of regional security complexes,

the sociology of space and the risk-society tradition. Research results. Seven complementary approaches to the category of security are systematized (socio-philosophical, sociological, institutional-political, legal, economic, socio-psychological and informational-managerial) and their analytical potential for studying macro-regional transformations is demonstrated; the evolution of the Russian tradition of social security from a protective paradigm to a paradigm of proactive risk management is traced; Northern Eurasia is substantiated as a regional complex of social security linked by common infrastructure, migration and communication interdependencies; an integrative multi-level analytical framework for the sociological analysis of the social security of the macro-region is proposed, together with a procedure for its sociological operationalization and a system of empirical indicators for each level of analysis. *Conclusions.* The sociological perspective makes it possible to translate the analysis of geopolitical transformations from the language of inter-state relations into the language of social institutions, risks, solidarity, trust and managerial practices; the proposed framework can serve as a theoretical and methodological basis for empirical research on social security in Northern Eurasia and for the development of social technologies for managing it under digitalization.

Keywords: social security; geopolitical space; Northern Eurasia; digitalization; sociology of management; regional security complex; social risks; trust

Information for citation: Bagdasaryan, D. A. (2026), "Social security in the context of the transformation of the geopolitical space of Northern Eurasia: theoretical and methodological approaches to sociological analysis", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 67-82. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-5.

Введение (Introduction). Современный этап общественного развития характеризуется глубокой трансформацией геополитического пространства Северной Евразии. Становление полицентричного миропорядка, переформатирование интеграционных и торгово-экономических связей, беспрецедентное санкционное давление, изменение конфигурации транспортно-логистических коридоров, интенсификация миграционных потоков и ускоренная цифровая трансформация всех сфер жизнедеятельности образуют качественно новый контекст воспроизводства социального порядка на постсоветском и – шире – североевразийском пространстве. Существенно, что эти процессы перестали быть предметом исключительно международно-политического и геоэкономического анализа: они проникают в повседневную жизнь людей, трансформируя рынки труда и занятость, миграционные стратегии семей, структуры территориальной и гражданской идентичности, каналы социальной коммуникации, уровень институционального и межличностного доверия. Иными словами, геополитическая трансформация имеет отчётливое социальное измерение, требующее собственно социологического осмысления.

Для социологического осмысления этих процессов используется категория социальной безопасности. Под ней понимаются, с одной стороны, состояние социальной системы, при котором защищены жизненно важные интересы личности, групп и общества, а с другой – её способность устойчиво воспроизводить условия жизнедеятельности и противостоять внутренним и внешним угрозам. Такой ракурс связывает геополитические изменения с функционированием институтов, возникновением рисков, состоянием солидарности и доверия, а также с практиками управления. Однако теория социальной безопасности формировалась главным образом применительно к отдельному государству: национальные институты рассматривались как субъект обеспечения безопасности, а общество страны – как объект защиты. Эта схема по-прежнему значима, но она не охватывает ситуацию, в которой миграционные, информационные, технологические и экономические риски пересекают

границы. В Северной Евразии их распространению способствуют общая инфраструктура, взаимосвязанные рынки труда и единое коммуникативное пространство.

Научная проблема, таким образом, состоит в противоречии между макрорегиональным характером трансформационных процессов, определяющих сегодня состояние социальной безопасности обществ Северной Евразии, и преимущественно национально-государственной оптикой сложившихся теоретико-методологических подходов к её анализу. Дополнительное измерение проблемы задаёт цифровизация, которая одновременно переструктурирует само геополитическое пространство (цифровые платформы, трансграничные потоки данных, фрагментация технологических экосистем) и изменяет содержание социальной безопасности (новые классы рисков и новые инструменты управления ими).

Дефицит макрорегиональной оптики не является лишь авторским допущением: на ограниченность государствоцентричной рамки указывает сама литература по теории безопасности. Б. Бузан, критикуя государствоцентричность исследований безопасности, показал, что проблемы безопасности отдельных государств и обществ не могут быть поняты вне региональной системы взаимозависимостей, в которую они включены (Buzan, 1991). У. Бек квалифицировал привязку социального анализа к границам национального государства как «методологический национализм», неспособный схватить транснациональную природу рисков глобальной эпохи (Beck, 2005). Российские исследования также не дают единой завершённой концепции социальной безопасности: поле дискуссии остаётся неоднородным (Шипунова, 2016). Одна группа работ ограничивает эту категорию отдельными секторами, другая сближает её с human security, но в обоих вариантах в центре остаётся общество одного государства (Кашник, Брызгалина, 2013). Кузнецов (2002) различает глобальный, национальный, групповой и личностный уровни безопасности, однако макрорегиональный уровень, на котором риски связывают несколько обществ, отдельно не выделяет. Вопросы цифровизации чаще изучаются как угрозы социальной стабильности (Каира, Цзюньцзе, Журавлёва, 2025); её трансграничные последствия для безопасности взаимозависимых обществ исследованы значительно слабее.

Цель статьи – систематизация теоретико-методологических подходов к социологическому анализу социальной безопасности и обоснование интегративной аналитической рамки, позволяющей исследовать социальную безопасность в условиях трансформации геополитического пространства Северной Евразии. Достижение цели предполагает решение трёх задач: во-первых, упорядочить междисциплинарную структуру категории «безопасность» и выявить социологическое ядро её интерпретации; во-вторых, проследить эволюцию отечественной традиции исследования социальной безопасности и зафиксировать переход от «защитной» парадигмы к парадигме проактивного управления рисками; в-третьих, концептуализировать Северную Евразию как региональный комплекс социальной безопасности и предложить многоуровневую рамку его социологического анализа с учётом фактора цифровизации.

Методология и методы (Methodology and methods). Статья носит теоретический характер и основана на методах теоретического анализа и синтеза, сравнительного анализа научных подходов, а также на институциональном и системном анализе. Методологический каркас исследования образуют четыре взаимодополняющие традиции. Во-первых, социология управления, рассматривающая обеспечение социальной безопасности как управленческую деятельность по выявлению, оценке и снижению социальных рисков, реализуемую системой субъектов публичного управления во взаимодействии с обществом. Рискологическая традиция объединяет концепцию «общества риска» и рефлексивной модернизации (Beck, 1992), системное понимание риска и доверия (Luhmann, 1993) и исследования резильентности сложных социотехнических систем (Hollnagel, Woods, Leveson, 2006). В рамках этого подхода безопасность поддерживается посредством

постоянной работы с неопределённостью, которую нельзя устранить полностью. Социология пространства даёт иной методологический ракурс. Идея социального производства пространства (Lefebvre, 1991) позволяет описывать Северную Евразию как исторически сложившуюся и изменяющуюся систему инфраструктур, институтов, практик и символических представлений, а не как заданную природой территорию. Теория региональных комплексов безопасности объясняет образование относительно самостоятельных региональных кластеров взаимосвязанностью процессов секьюритизации и десекуритизации в обществах, которые в них входят (Buzan, Wæver, 2003). После социологической переинтерпретации этой теории Северную Евразию можно исследовать как региональный комплекс социальной безопасности.

Теория региональных комплексов безопасности возникла в науке о международных отношениях. Чтобы применить её к социологическому исследованию, необходимо изменить исходную единицу анализа, способ описания взаимосвязей и критерии оценки. Государства как акторы секьюритизации уступают место социальным общностям: домохозяйствам, трудовым мигрантам и их семьям, локальным, диаспоральным и профессиональным сообществам. Их жизненные возможности формируются под влиянием трансграничных связей. Взаимозависимость процессов безопасности прослеживается через доступные социологическому наблюдению миграционные и семейные сети, общие институциональные практики и коммуникативное пространство, по которым социальные риски могут распространяться между странами. Состояние комплекса оценивается не по балансу сил или высказываниям политических элит, а по доверию, солидарности, идентичности и социальному самочувствию сообществ. Такая логика опирается на разработанную А. Ф. Филипповым версию социологии пространства, продолжающую зиммелевскую традицию. Пространство в ней описывает порядок размещения социальных событий и не сводится к вмещению процессов. Граница понимается как социальный факт, который приобретает пространственное оформление, а не как географическая линия с социальными последствиями (Филиппов, 2008). Это позволяет трактовать границы и «плотность» регионального комплекса как социологически измеримые величины.

Дополнительным методологическим ориентиром выступает геокультурная парадигма отечественной социологии безопасности, обосновавшая продвижение от геополитического и геоэкономического подходов к гуманитарному, социокультурному анализу безопасности (Кузнецов, 2002), а также теория социальных регуляторов, раскрывающая роль неформальных норм, ценностей и традиций в упорядочении социального действия (Захаров, 2024). Сочетание указанных традиций обеспечивает возможность многоуровневого анализа социальной безопасности – от личности до макрорегиона – при сохранении социологического ядра исследования: анализа социальных отношений, институтов, рисков, механизмов доверия и управленческих практик.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Междисциплинарная структура категории «безопасность» и её социологическое ядро. Проблема безопасности находится в центре научного осмысления на протяжении столетий: от политико-философских представлений о защите жизни и прав в договорных концепциях Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо (Гоббс, 1991; Локк, 1988; Руссо, 1969) до социологических интерпретаций, связывающих безопасность с устойчивостью институтов, норм и механизмов социальной интеграции. Анализ содержания категории «безопасность» целесообразно выстраивать через совокупность научных подходов, различающихся по предметной области, по иерархическому уровню рассматриваемых объектов (микро-, мезо-, макро- и наднациональный уровни) и по исторической обусловленности представлений об угрозах. В рамках проведённого анализа выделены семь взаимодополняющих подходов: социально-философский, социологический, институционально-политологический,

юридический, экономический, социально-психологический и информационно-управленческий.

Социально-философский подход рассматривает безопасность как базовую цель и условие существования политического сообщества, вытекающее из общественного договора; социологическое переосмысление этой идеи связано с трактовкой государства как сообщества, претендующего на монополию легитимного насилия, а безопасности и порядка – как структурных условий предсказуемости социальных взаимодействий (Вебер, 2016). Институционально-политологический подход анализирует безопасность как институционально обеспеченную управляемость социальной системы, опирающуюся на легитимность власти и доверие к институтам. Юридическое направление сосредоточено на правовых режимах, процедурных гарантиях и условиях, при которых ограничение прав признаётся обоснованным. Экономический анализ оценивает устойчивость и эффективность процессов с помощью пороговых индикаторов и стандартов риск-менеджмента. В социально-психологическом подходе безопасность связана и с базовой потребностью человека, и с качеством устойчивых социальных отношений. Центральным для него является понятие онтологической безопасности: человек сохраняет ощущение непрерывности и упорядоченности собственной жизни, если доверяет абстрактным системам, включая институты, технологии и экспертное знание, даже при росте неопределённости (Giddens, 1991). Информационно-управленческий подход изучает управление рисками и информационными потоками в социотехнических системах. Безопасность в этой логике поддерживается мониторингом, адаптацией и обучением, а не сводится к отсутствию сбоев (Hollnagel, Woods, Leveson, 2006).

Собственно социологическая традиция задаёт ядро, вокруг которого соотносятся остальные подходы. В классической социологии сформировалась дихотомия функционалистско-консенсусного и конфликтно-критического взглядов на основания безопасности общества: первый связывал её с порядком, солидарностью и нормативной интеграцией – разложение нормативного порядка рождает состояние аномии, ведущее к дезорганизации и небезопасности (Дюркгейм, 1996), – второй указывал на структурную небезопасность несправедливых порядков и конфликт как источник изменений. В XX веке структурный функционализм концептуализировал безопасность как равновесие социальной системы, поддерживаемое механизмами социализации, социального контроля и институциональной интеграции (Parsons, 1951), а системная теория связала безопасность с управлением неустранимой социальной сложностью, введя категорию доверия как механизма её сокращения (Luhmann, 1993). Рискологический поворот зафиксировал становление «общества риска», в котором системные угрозы выходят за пределы контроля отдельных институтов и национальных государств (Beck, 1992). Для целей настоящего исследования принципиально, что в условиях глобализации взаимодействия выходят в сетевую, транстерриториальную среду, где потоки информации, капиталов и людей пересекают национальные границы, порождая новые конфигурации акторов и конфликтов (Beck, 2005), что прямо указывает на необходимость макрорегионального уровня анализа безопасности.

Отечественная традиция: от «защитной» парадигмы к проактивному управлению рисками. В 1990-2000-е гг. понятие «социальная безопасность» закрепилось в российской социологии на фоне радикальных изменений переходного периода. Им обозначали защищённость жизненно важных интересов человека и общества от преступности, массового обнищания, безработицы, социальной дезорганизации и других внутренних угроз (Яновский, 2003). В то же время социология безопасности стала оформляться как самостоятельная субдисциплина. Кузнецов (2002) предложил перейти от геополитического и геоэкономического рассмотрения к геокультурному, то есть гуманитарному, анализу;

социальную безопасность он связывал с предупреждающим воздействием на возникающие в социальной среде вызовы, угрозы, опасности и риски. Он также различал глобальный, национальный, общностный и личностный уровни анализа. Позднее дискуссии дополнило понятие «культура безопасности», отразившее перенос внимания с государственных интересов на социальное благополучие и способность индивидов адаптироваться (Шипунова, 2016). Одновременно сохранились две интерпретации категории. Узкая охватывает гарантии и механизмы защиты в отдельных социальных сферах, а широкая близка международной доктрине human security (Кашник, Брызгалина, 2013). Гуманитарное измерение безопасности, связывающее её не только с защитой государства, но и со свободой человека от страха и нужды, закреплено в международной традиции человеческого развития (UNDP, 1994).

Современный этап характеризуется переходом к динамической, управленческо-стратегической трактовке: социальная безопасность рассматривается как сочетание состояния (защищённость, устойчивость) и процесса (предупреждение и снижение уязвимости, адаптация к рискам, воспроизводство социального порядка), отчётливо связанного с результатами социальной политики и качеством жизни (Губанов, Сметанкина, Бырылова, Кудрин, 2024). В рамках школы социологии управления социальная безопасность определяется как состояние и способность государственной и общественной системы страны обеспечить эффективное функционирование социальной сферы, предотвращение деструктивных явлений и процессов, сохранение и развитие условий, средств и способов социализации человека, его благосостояния, неотъемлемых прав и свобод, духовно-нравственных ценностей (Маргулян, 2012). Именно эта трактовка принимается в настоящей статье в качестве рабочей, поскольку она соединяет объектное (состояние защищённости) и субъектное (способность системы управления) измерения категории и тем самым открывает возможность анализа социальных технологий обеспечения безопасности.

Существенным ресурсом для анализа макрорегиональных трансформаций обладает теория социальных регуляторов, изначально разработанная на материале деятельности российского государственного служащего (Захаров, 2002) и обобщённая до целостной концепции упорядочения социального действия комплексом формальных и неформальных регуляторов – норм, ценностей, традиций, образцов поведения (Захаров, 2024). Для полиэтнического и поликонфессионального пространства Северной Евразии данный подход принципиален: устойчивость социального порядка здесь исторически обеспечивалась не только правом и административной вертикалью, но и плотной тканью неформальных регуляторов межгруппового взаимодействия, и их эрозия под давлением геополитической турбулентности и цифровизации сама по себе становится фактором риска.

Северная Евразия как региональный комплекс социальной безопасности. Перевод геополитической проблематики в социологическую плоскость требует прежде всего отказа от натуралистического понимания пространства. В логике социологии пространства геополитическое пространство Северной Евразии есть социальный продукт – оно производится и воспроизводится в материальных практиках (транспортные и энергетические инфраструктуры, миграционные маршруты, производственные цепочки), в институциональных формах (интеграционные объединения, правовые режимы, приграничное сотрудничество) и в символических репрезентациях (картины мира, историческая память, цивилизационные нарративы) (Lefebvre, 1991). Трансформация геополитического пространства в этой оптике – не просто смена межгосударственных конфигураций, а переопределение всех трёх измерений производства пространства, непосредственно затрагивающее условия жизнедеятельности населения.

Продуктивной рамкой для концептуализации макрорегионального уровня выступает теория региональных комплексов безопасности, определяющая такой комплекс как

совокупность обществ, чьи процессы секьюритизации настолько взаимосвязаны, что проблемы их безопасности не могут быть разумно проанализированы или разрешены отдельно друг от друга (Buzan, Wæver, 2003). Значимо, что в рамках данной традиции безопасность трактуется многосекторно – включая военный, политический, экономический, социетальный и экологический секторы, причём социетальная безопасность связывается с устойчивостью идентичности сообществ (Buzan, Wæver, de Wilde, 1998; Buzan, 1991). Социологическая реинтерпретация этой концепции позволяет говорить о Северной Евразии как о региональном комплексе социальной безопасности: общества макрорегиона связаны взаимозависимыми рынками труда и масштабной трудовой миграцией, общей транспортной и энергетической инфраструктурой, сохраняющимся общим коммуникативным (в значительной мере русскоязычным) пространством, сопоставимыми институциональными наследиями и взаимопереплетёнными семейными и диаспоральными сетями. Социальные риски в таком комплексе распространяются каскадно: экономический шок или регуляторное решение в одной стране немедленно отражается на занятости мигрантов, денежных переводах, положении семей и социальном самочувствии в других странах комплекса.

Социологическая оптика фиксирует и внутреннюю, субнациональную размерность комплекса. Консолидация региональных сообществ в условиях глокальной социальной реальности сталкивается с системными социокультурными ограничениями – дефицитом взаимного доверия, солидарности и субъектности локальных сообществ (Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, 2023), что напрямую определяет способность территорий абсорбировать внешние шоки геополитической трансформации. Медиапространство образует ещё одно измерение геополитических изменений. Его русскоязычный сегмент поддерживает связность Северной Евразии, но через него же информационные риски переходят национальные границы. Масштаб таких угроз определяется содержанием сообщений, положением источников в информационном поле и уровнем доверия аудитории к ним. Здесь сталкиваются конкурирующие интерпретации, разворачивается информационное противоборство и усиливается фрагментация аудиторий, поэтому медиасреда может как укреплять, так и ослаблять социальную безопасность макрорегиона. В рамках коммуникативно-информационного измерения это можно эмпирически оценивать по структуре доверия к источникам и степени фрагментации аудиторий.

Цифровизация как сквозной фактор трансформации социальной безопасности макрорегиона. Цифровизация меняет геополитическую организацию Северной Евразии и одновременно влияет на содержание социальной безопасности. С одной стороны, цифровые платформы, трансграничные потоки данных и алгоритмические системы создают новую связность макрорегиона: цифровые сервисы опосредуют трудовую миграцию, денежные переводы, образовательную мобильность и повседневную коммуникацию разделённых границами семей. С другой стороны, происходит фрагментация глобального цифрового пространства – формирование конкурирующих технологических экосистем, режимов регулирования данных и стандартов, – в результате чего технологический суверенитет и цифровая инфраструктура сами становятся предметом секьюритизации.

Для социальной безопасности обществ Северной Евразии цифровизация порождает комплекс рисков, которые целесообразно не просто перечислять, а размещать в координатах «уровень – измерение» предлагаемой ниже аналитической рамки. На уровне личности это кибермошенничество и утрата онтологической безопасности при столкновении с непрозрачными автоматизированными решениями (социально-психологическое и технологическое измерения). На уровне социальных групп и локальных сообществ – цифровое неравенство по доступу к инфраструктуре и цифровым компетенциям, наиболее значимое для старших возрастных групп, жителей малых и удалённых северных поселений и трудовых мигрантов, зависящих от цифровых сервисов при денежных переводах и

оформлении документов (социально-структурное измерение). На региональном и национальном уровнях – уязвимость критической информационной инфраструктуры и дефицит ответственности за алгоритмические решения в публичном управлении (институционально-правовое и технологическое измерения). На макрорегиональном уровне – дезинформация и поляризация в общем медиапространстве, а также асимметрия национальных режимов регулирования данных и платформ, при которой один и тот же риск по-разному регулируется в соседних странах (коммуникативно-информационное и институционально-правовое измерения). Исследования социальной стабильности в условиях цифровизации показывают, что ответы на эти вызовы требуют сочетания институционального регулирования (образование, регулирование искусственного интеллекта и социальных медиа) с гуманистическими мерами – повышением медиаграмотности и развитием независимых механизмов проверки информации (Каира, Цзюньцзе, Журавлёва, 2025). Для Северной Евразии существенно, что последствия цифровизации определяются не самими технологиями, а решениями об их внедрении и регулировании, которые страны макрорегиона принимают в разных нормативных и технологических контурах, опираясь на различные цифровые экосистемы. Следовательно, объектом социологического анализа на макрорегиональном уровне становятся не технологии как таковые, а различия национальных управленческих решений и их социальные последствия для связанных между собой групп населения – прежде всего трудовых мигрантов и семей, живущих «на две страны».

Интегративная аналитическая рамка социологического анализа.

Таблица 1

Теоретико-методологические подходы к категории «безопасность» и их значение для анализа трансформации геополитического пространства Северной Евразии

Table 1

Theoretical and methodological approaches to the category of security and their relevance for the analysis of the transformation of the geopolitical space of Northern Eurasia

Подход / Approach	Трактовка безопасности / Interpretation of security	Значение для анализа Северной Евразии / Relevance for the analysis of Northern Eurasia
Социально-философский / Social and Philosophical	Высшая ценность и цель общественного договора / The highest value and purpose of the social contract	Нормативные основания легитимности порядка в трансформирующемся макрорегионе / The normative foundations of the legitimacy of order in a transforming macro-region
Социологический / Sociological	Состояние и процесс воспроизводства социальной системы, солидарность, интеграция, доверие / The state and process of reproduction of the social system, solidarity, integration, trust	Ядро анализа: институты, риски, идентичности, консолидация сообществ / The core of the analysis: institutions, risks, identities, community consolidation
Институционально-политологический / Institutional and Political Science	Институционально обеспеченная управляемость социальной системы / Institutionally ensured manageability of the social system	Устойчивость институтов управления в условиях геополитической турбулентности / The resilience of governance institutions in a climate of geopolitical turbulence

Подход / Approach	Трактовка безопасности / Interpretation of security	Значение для анализа Северной Евразии / Relevance for the analysis of Northern Eurasia
Юридический / Legal	Правовые режимы, гарантии и критерии ограничения прав / Legal regimes, safeguards and criteria for the restriction of rights	Асимметрия правовых режимов стран макрорегиона, трансграничное регулирование / Asymmetry in the legal regimes of countries within the macro-region; cross-border regulation
Экономический / Economic	Устойчивость экономической системы, индикативные пороговые значения / Stability of the economic system, indicative threshold values	Взаимозависимость рынков труда, миграция, каскадные экономические шоки / Interdependence of labour markets, migration, cascading economic shocks
Социально-психологический / Social-Psychological	Базовая потребность личности, онтологическая безопасность, субъективная защищённость / A fundamental human need, ontological security, subjective sense of security	Социальное самочувствие населения, доверие к институтам и технологиям / The population's sense of social well-being, trust in institutions and technology
Информационно-управленческий / Information Management	Управление рисками, информационными потоками, резильентность социотехнических систем / Risk management, information flows, and the resilience of socio-technical systems	Цифровой суверенитет, медиапространство, противодействие дезинформации / Digital sovereignty, the media landscape, combating disinformation

Проведённый анализ позволяет предложить интегративную аналитическую рамку социологического исследования социальной безопасности в условиях трансформации геополитического пространства Северной Евразии. Предлагаемая рамка сочетает уровневую, содержательную и процессуальную перспективы. Она охватывает пять уровней: личность, где оцениваются субъективная защищённость и онтологическая безопасность; социальную группу и локальное сообщество, для которых значимы солидарность, консолидация и доверие; регион с его социальными системами и институтами; национальное государство, формирующее социальную политику и систему социальной безопасности; макрорегион Северной Евразии, в котором возникают трансграничные риски и механизмы координации. На каждом уровне анализируются институционально-правовые, социально-структурные, регулятивно-ценностные, коммуникативно-информационные и технологические аспекты, связанные с рассмотренными выше подходами к безопасности. Процессуальная перспектива описывает социальную безопасность через постоянно возобновляемую последовательность управленческих действий: мониторинг рисков, их предупреждение, адаптацию и обучение. Эти действия выполняют взаимодействующие субъекты социального управления в соответствии с логикой резильентности.

Пятиуровневая схема применима к разным макрорегионам, поэтому её североазиатская специфика раскрывается через содержание уровней и связи между ними. Их конфигурацию определяют пять особенностей Северной Евразии. Во-первых, общее

институциональное наследие и сохраняющаяся роль русского языка как языка межнационального общения обеспечивают высокую «проницаемость» уровней: риск, возникший в одной стране, распространяется по общим коммуникативным каналам быстрее, чем в макрорегионах с выраженной языковой и институциональной разнородностью. Во-вторых, миграционная система макрорегиона асимметрична и в значительной мере ориентирована на Россию как центр притяжения трудовой миграции, поэтому макрорегиональный уровень непосредственно «спускается» на уровень домохозяйств через денежные переводы и трудовые траектории. В-третьих, «северность» макрорегиона – протяжённость, низкая плотность населения, суровые природно-климатические условия, зависимость северных и арктических территорий от транспортной и энергетической инфраструктуры – повышает значимость инфраструктурной составляющей безопасности и делает региональный уровень особенно чувствительным к разрывам логистических цепочек. В-четвёртых, полиэтничность и поликонфессиональность пространства повышают вес неформальных регуляторов, поэтому регулятивно-ценностное измерение рамки здесь не вторично по отношению к институционально-правовому. В-пятых, одновременная интеграция и фрагментация цифровых экосистем создаёт ситуацию, при которой население разных стран пользуется отчасти общими цифровыми сервисами при различающихся режимах их регулирования. Именно эти особенности определяют, какие индикаторы являются приоритетными на каждом уровне рамки (Таблица 2).

Таблица 2

Операционализация интегративной аналитической рамки: уровни анализа,
эмпирические индикаторы и источники данных

Table 2

Operationalization of the integrative analytical framework: levels of analysis,
empirical indicators and data sources

Уровень анализа / Level of analysis	Эмпирические индикаторы / Empirical indicators	Источники данных и методы / Data sources and methods
Личность / Personality	Субъективное ощущение защищённости; тревожность в отношении экономических, миграционных и цифровых рисков; опыт столкновения с кибермошенничеством; доверие к цифровым сервисам / A subjective sense of security; anxiety regarding economic, migration and digital risks; experience of encountering cyber fraud; trust in digital services	Массовые опросы населения; индексы социального самочувствия; вторичный анализ мониторинговых опросов / Large-scale population surveys; social well-being indices; secondary analysis of monitoring surveys
Социальная группа и локальное сообщество / Social group and local community	Межличностное и межгрупповое доверие; готовность к совместным действиям; включённость в соседские, семейные и диаспоральные сети; цифровые компетенции уязвимых групп /	Опросы с использованием стандартизированных шкал доверия; глубинные интервью; фокус-группы с трудовыми мигрантами и жителями удалённых поселений; сетевой анализ / Surveys using standardised

Уровень анализа / Level of analysis	Эмпирические индикаторы / Empirical indicators	Источники данных и методы / Data sources and methods
	Interpersonal and intergroup trust; willingness to act collectively; involvement in neighbourhood, family and diaspora networks; digital skills among vulnerable groups	confidence scales; in-depth interviews; focus groups with migrant workers and residents of remote settlements; network analysis
Регион / Region	Миграционный прирост / отток населения; доступность широкополосного интернета и цифровых государственных услуг; доверие к региональной власти; устойчивость социальной инфраструктуры / Net migration / population outflow; availability of broadband internet and digital public services; trust in regional authorities; resilience of social infrastructure	Данные национальных статистических служб; экспертные интервью с представителями органов власти и НКО; контент-анализ региональных СМИ / Data from national statistical offices; expert interviews with representatives of government bodies and NGOs; content analysis of regional media
Национальное государство / The nation state	Охват и адресность мер социальной поддержки; институциональное доверие; нормативное регулирование цифровых платформ, данных и ИИ / The scope and targeting of social support measures; institutional trust; regulatory oversight of digital platforms, data and AI	Анализ документов стратегического планирования и нормативных актов; вторичный анализ общенациональных опросов / Analysis of strategic planning documents and regulatory acts; secondary analysis of nationwide surveys
Макрорегион Северной Евразии / The Northern Eurasia macro-region	Объем и направления трудовой миграции и денежных переводов; доля жителей, имеющих родственные связи в других странах макрорегиона; отношение к интеграционным объединениям; сходство и различие режимов регулирования данных / The scale and patterns of labor migration and remittances; the proportion of residents with family ties in other countries	Статистика Евразийской экономической комиссии и национальных банков; сравнительные кросс-национальные опросы (в т. ч. «Интеграционный барометр ЕАБР»); сравнительно-правовой анализ / Statistics from the Eurasian Economic Commission and national central banks; comparative cross-national surveys (including the “EDB Integration Barometer”); comparative legal analysis

Уровень анализа / Level of analysis	Эмпирические индикаторы / Empirical indicators	Источники данных и методы / Data sources and methods
	within the macroregion; attitudes toward integration associations; similarities and differences in data regulation regimes	

Дискуссионным остаётся вопрос о границах и внутренней структуре Северной Евразии как комплекса социальной безопасности: интенсивность взаимозависимостей неодинакова по осям макрорегиона, а разнонаправленные интеграционные и дезинтеграционные процессы делают его конфигурацию подвижной. Социологическим ответом на это возражение является эмпиризация предложенной рамки: границы комплекса должны определяться не картографически, а по фактической плотности социальных взаимозависимостей – миграционных, коммуникативных, инфраструктурных – и по взаимосвязанности процессов секьюритизации, что задаёт программу дальнейших эмпирических исследований. Показатели, приведённые в Таблице 2, делают такую проверку возможной: если плотность миграционных, семейных и коммуникативных связей и синхронность динамики социального самочувствия между странами макрорегиона окажутся выше, чем между этими странами и внешними по отношению к комплексу обществами, это будет эмпирическим подтверждением существования регионального комплекса социальной безопасности; в противном случае его границы и сама рамка потребуют пересмотра.

Необходимо обозначить и ограничения исследования. Статья носит теоретико-методологический характер и не содержит собственных эмпирических данных; её результат – аналитическая рамка и программа её операционализации, а не проверенная модель. Авторское приращение знания состоит не в предложении новых уровней анализа как таковых, а в следующем: 1) в процедуре перевода категории регионального комплекса безопасности на язык социологии через смену единицы анализа, механизма связи и критерия оценки; 2) в размещении цифровых рисков в координатах «уровень – измерение» аналитической рамки; 3) в выделении особенностей Северной Евразии, определяющих приоритетные эмпирические индикаторы на каждом уровне. Эмпирическая проверка рамки составляет задачу последующих исследований.

Заключение (Conclusions). Проведённый теоретико-методологический анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, сопоставление семи научных подходов показало междисциплинарное содержание категории «безопасность». Их объединяет социологическое ядро, в которое входят социальные отношения и институты, риски, доверие и управленческие практики. Во-вторых, российская научная традиция постепенно вышла за пределы понимания социальной безопасности только как состояния защищённости. В управленческо-стратегической трактовке она также характеризует способность социальной системы заранее выявлять риски и воздействовать на них; такой подход соответствует условиям высокой турбулентности. В-третьих, в социологическом измерении изменение геополитического пространства Северной Евразии связано с преобразованием его материальных, институциональных и символических оснований. Общность социальных рисков и взаимозависимость процессов секьюритизации позволяют рассматривать макрорегион как комплекс социальной безопасности, общества которого невозможно изучать изолированно. В-четвёртых, цифровизация выступает сквозным фактором, одновременно усиливающим связность макрорегиона и порождающим новые классы рисков – от цифрового неравенства до алгоритмической непрозрачности и информационных угроз социальной стабильности. В-пятых, перенос теории региональных комплексов безопасности из теории международных отношений в социологию возможен при

явной смене единицы анализа (социальные общности вместо государств), механизма связи (миграционные, семейные и коммуникативные сети) и критерия оценки (доверие, солидарность, идентичность); специфику Северной Евразии в такой рамке задают общее институционально-языковое наследие, асимметричная миграционная система, «северный» характер пространства, высокий вес неформальных регуляторов и сочетание интеграции и фрагментации цифровых экосистем.

Предложенная интегративная рамка – пять уровней анализа, пять измерений, процессуальная трактовка безопасности как управленческого цикла – задаёт конкретную программу эмпирической верификации. Во-первых, это сравнительный анализ восприятия рисков населением на основе массовых опросов с едиными индикаторами субъективной защищённости, институционального и межличностного доверия в нескольких странах макрорегиона. Во-вторых, анализ трансграничных каскадов социальных угроз по статистике трудовой миграции и денежных переводов в сопоставлении с динамикой социального самочувствия домохозяйств. В-третьих, оценка резильентности региональных социальных систем по показателям миграционного оттока, цифровой доступности и доверия к региональной власти, дополненная экспертными интервью с представителями органов управления и некоммерческих организаций. Критерием подтверждения рамки служит более высокая плотность социальных взаимозависимостей и синхронность динамики социального самочувствия внутри комплекса по сравнению с его внешним окружением. Практическая значимость рамки состоит в том, что предложенная система индикаторов (Таблица 2) может применяться в мониторинге социальной безопасности регионов и при разработке социальных технологий обеспечения социальной безопасности и координационных механизмов социальной политики в евразийском интеграционном контуре, ориентированных на человекоцентричность, укрепление доверия и солидарности как ключевых нематериальных активов устойчивости обществ макрорегиона.

Список литературы

- Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Консолидация регионального сообщества в глокальной социальной реальности: социокультурные ограничения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, № 1. С. 186-207. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.10. EDN: SWAPHE.
- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. I. Социология. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.
- Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1991. 731 с.
- Губанов В. М., Сметанкина Л. В., Бырылова Е. А., Кудрин А. А. Социальная безопасность в контексте современных трансформационных процессов в России: монография. СПб.: Ассоциация вузов, 2024. 244 с.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
- Захаров Н. Л. Социальные регуляторы деятельности российского государственного служащего. Москва: Изд-во РАГС, 2002. 236 с.
- Захаров Н. Л. Теория социальных регуляторов: монография / под науч. ред. М.Б. Перфильевой. Москва: ИНФРА-М, 2024. 241 с. DOI: 10.12737/2119965. ISBN: 978-5-16-019447-9. EDN: PPJZER.
- Каира Ю. В., Цзюньцзе Л., Журавлёва А. С. Социальная стабильность в условиях цифровизации современного информационного общества // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 1. С. 198-211. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-3. EDN: ZIKQYS.
- Кашник О. И., Брызгалина А. А. Социальная безопасность: теоретические аспекты // Образование и наука. 2013. № 3 (102). С. 98-110. EDN: PWXHVL.
- Кузнецов В. Н. Социология безопасности: Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе. Москва: Республика, 2002. 367 с.

- Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Москва: Мысль, 1988. 668 с.
- Маргулян Я. А. Социальная политика по обеспечению безопасности современного российского общества: монография. СПб.: СПбГИЭУ, 2012. 395 с.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. Москва: Наука, 1969. 703 с.
- Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с. ISBN: 978-5-93615-078-4. EDN: QOIBNH.
- Шипунова Т. В. Социальная безопасность: тематизация дискуссионного поля // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 2. С. 101-112. EDN: WHFWHL.
- Яновский Р. Г. Социальная безопасность России в период стабилизации. Москва, 2003. 253 с.
- Beck U. Power in the Global Age: A New Global Political Economy. Cambridge: Polity Press, 2005. 365 p.
- Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992. 260 p.
- Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. 2nd ed. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1991. 393 p.
- Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
- Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
- Hollnagel E., Woods D.D., Leveson N. Resilience Engineering: Concepts and Precepts. Aldershot: Ashgate, 2006. 397 p.
- Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p.
- Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. Berlin: Walter de Gruyter, 1993. 236 p.
- Parsons T. The Social System. Glencoe: Free Press, 1951. 575 p.
- UNDP. Human Development Report 1994. New York: Oxford University Press, 1994. 226 p.

References

- Babintsev, V. P., Gaidukova, G. N. and Shapoval, Zh. A. (2023), "Consolidation of the regional community in glocal social reality: socio-cultural constraints", *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 16 (1), 186-207, DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.10. EDN: CWAPHE. (In Russian)
- Weber, M. (2016), *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology], I, HSE Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)
- Hobbes, T. (1991), "Leviathan, or the Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil", *Sochineniya* [Works], 2, Mysl, Moscow, Russia. (In Russian)
- Gubanov, V. M., Smetankina, L. V., Byrylova, E. A. and Kudrin, A. A. (2024), *Sotsialnaya bezopasnost v kontekste sovremennykh transformatsionnykh protsessov v Rossii* [Social security in the context of contemporary transformation processes in Russia], Assotsiatsiya vuzov, St. Petersburg, Russia. (In Russian)
- Durkheim, E. (1996), *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labour in Society], Kanon, Moscow, Russia. (In Russian)
- Zakharov, N. L. (2002), *Sotsialnye regulatory deyatel'nosti rossiiskogo gosudarstvennogo sluzhashchego* [Social regulators of the activity of the Russian civil servant], RAGS Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)
- Zakharov, N. L. (2024), *Teoriya sotsialnykh regulyatorov* [Theory of social regulators], in Perfilieva, M. B. (ed.), INFRA-M, Moscow, Russia, DOI: 10.12737/2119965, ISBN: 978-5-16-019447-9, EDN: PPJZER. (In Russian)
- Kaira, Yu. V., Junjie, L. and Zhuravleva, A. S. (2025), "Social stability in the conditions of digitalization of the modern information society", *Research Result. Sociology and Management*, 11 (1), 198-211, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-3, EDN: ZIKQYS. (In Russian)

- Kashnik, O. I. and Bryzgalina, A. A. (2013), "Social security: theoretical aspects", *Obrazovanie i nauka*, 3 (102), 98-110, EDN: PWXHV. (In Russian)
- Kuznetsov, V. N. (2002), *Sotsiologiya bezopasnosti: Formirovanie kultury bezopasnosti v transformiruyushchemsya obshchestve* [Sociology of security: Formation of a culture of security in a transforming society], Respublika, Moscow, Russia. (In Russian)
- Locke, J. (1988), "Two Treatises of Government", *Sochineniya* [Works], 3, Mysl, Moscow, Russia. (In Russian)
- Margulyan, Ya. A. (2012), *Sotsialnaya politika po obespecheniyu bezopasnosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Social policy for ensuring the security of contemporary Russian society], SPbGIEU, St. Petersburg, Russia. (In Russian)
- Rousseau, J.-J. (1969), "On the Social Contract, or Principles of Political Right", *Traktaty* [Treatises], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)
- Filippov, A. F. (2008), *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of space], Vladimir Dal, St. Petersburg, Russia, ISBN: 978-5-93615-078-4, EDN: QOIBHX. (In Russian)
- Shipunova, T. V. (2016), "Social security: thematization of the discussion field", *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii*, 19 (2), 101-112, EDN: WHFWHL. (In Russian)
- Yanovsky, R. G. (2003), *Sotsialnaya bezopasnost Rossii v period stabilizatsii* [Social security of Russia in the period of stabilization], Moscow, Russia. (In Russian)
- Beck, U. (2005), *Power in the Global Age: A New Global Political Economy*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Beck, U. (1992), *Risk Society: Towards a New Modernity*, Sage, London, UK.
- Buzan, B. (1991), *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*, 2nd ed., Lynne Rienner Publishers, Boulder, CO, USA.
- Buzan, B. and Wæver, O. (2003), *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Buzan, B., Wæver, O. and de Wilde, J. (1998), *Security: A New Framework for Analysis*, Lynne Rienner Publishers, Boulder, CO, USA.
- Giddens, A. (1991), *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Hollnagel, E., Woods, D. D. and Leveson, N. (2006), *Resilience Engineering: Concepts and Precepts*, Ashgate, Aldershot, UK.
- Lefebvre, H. (1991), *The Production of Space*, Blackwell, Oxford, UK.
- Luhmann, N. (1993), *Risk: A Sociological Theory*, Walter de Gruyter, Berlin, Germany.
- Parsons, T. (1951), *The Social System*, Free Press, Glencoe, IL, USA.
- UNDP (1994), *Human Development Report 1994*, Oxford University Press, New York, NY, USA.

Статья поступила в редакцию 08 июня 2026 г. Поступила после доработки 31 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 08 June 2026. Revised 31 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Багдасарян Диана Арцруновна, аспирант кафедры социологии и управления персоналом, ассистент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия.

Diana A. Bagdasaryan, Postgraduate Student at the Department of Sociology and Human Resource Management, Research Assistant at the Department of Sociology and Human Resource Management, St Petersburg State University of Economics, St Petersburg, Russia.